

РЫБОЛОВСТВО В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО СРЕДНЕВОЛЖЬЯ НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII ВВ.**

В статье рассмотрено развитие рыболовства в хозяйстве сельского населения Южного Среднеvolжья на рубеже XVII–XVIII вв. Сделан вывод, что, за исключением отдельных селений прибрежной зоны Волги и Камы, на прочих территориях рыболовецкие промыслы были развиты слабо. Они занимали второстепенное место в повседневной хозяйственной деятельности местных жителей.

Ключевые слова: Южное Среднеvolжье, промыслы, рыболовство, хозяйственная деятельность, сельское население.

В статье показаны место и особенности развития промыслов, прежде всего, на примере рыболовства в хозяйственной деятельности сельских жителей южных территорий Среднего Поволжья в конце XVII – начале XVIII в. Вопросы, поднимаемые автором, уже рассматривались им в тезисной форме в других публикациях [1, с. 18–19]. В отечественной историографии промысловой деревни средневековой России, неземледельческие занятия ее населения достаточно хорошо исследованы [2–5]. Однако полученные результаты использовались в основном для доказательства степени развития в русской деревне элементов буржуазных отношений. Вместе с тем был накоплен богатый фактический материал, сделан ряд важных выводов, позволяющих рассматривать сельские поселения такого типа как своеобразное явление российской действительности.

При изучении этой темы возникает вопрос об определении понятия «сельское промысловое поселение». По-настоящему промысловыми можно считать те, в которых основные средства для жизни и воспроизводства их жители получали именно от промысловой неземледельческой деятельности. Но подобных селений крайне мало как в центральной России, так и на ее европейских окраинах (кроме Поморья). В отношении же основной массы прочих сельских населенных пунктов можно говорить лишь об определенном показателе «промысловости», степени развитости или распространения промысловых занятий их жителей, границы которой будут находиться между традиционным уровнем развития домашних промыслов, характерным для обычного земледельческого селения, и полным преобладанием промыслового хозяйства над земледельческим (вплоть до практического исключения последнего из повседневных занятий деревенских жителей). Еще одна проблема изучения промысловой деятельности в российской деревне состоит, на наш взгляд, в определении

* © Дубман Э.Л., 2012

Дубман Эдуард Лейбович (dubmane@mail.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 ««Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

того, кто являлся ее инициатором и организатором в данном поселении – его владелец или сама сельская община и как совмещались их интересы в этом отношении.

Хозяйственное освоение южных территорий Среднего Поволжья – в предволжье примерно от линии Тетюши – Алатырь; на левобережье – от устья Камы – происходило иначе, чем более северных районов, где уже в первые десятилетия после «Казанского взятия» сформировались основы систем сельского расселения и административного управления, близкие тем, которые существовали в «старых» районах центральной России. Здесь же вплоть до середины XVII в. дело ограничивалось созданием отдельных военно-административных центров на волжском побережье, возникновением сравнительно небольших локальных районов сельского расселения (Самарская Лука, Чалнинский комплекс селений и т. д.). В экономическом отношении для Южного Средневолжья (предлагаемый термин прошел апробацию в ряде публикаций и не вызвал каких-либо возражений среди исследователей [6, с. 8–11; 7, с. 10]) были характерны возникновение многочисленных промысловых рыболовецких сезонных предприятий по Волге, левобережью Камы; активная эксплуатация природных ресурсов «наездом» автохтонными народами региона. Только в середине – второй половине XVII столетия под защитой укрепленных линий (Симбирско-Корсунской и Закамской) началась активная земледельческо-промысловая колонизация всего этого пространства. К началу нового, XVIII столетия основные лесостепные территории региона на правобережье и находившаяся под защитой засечной линии часть левобережья были покрыты хорошо развитой сетью сельских постоянных поселений [8, с. 74–80, 140–176]. Вдоль побережья Волги появилась цепочка крупных вотчин привилегированных собственников. Многие из них имели здесь значительные промысловые предприятия еще в конце XVI – начале XVII в. Возникает вопрос, можно ли генетически связать сезонный промысловый вариант хозяйствования, господствовавший на прибрежных территориях региона до середины XVII в., с тем типом экономической деятельности, который сложился у окончательно расселившегося здесь сельского постоянного населения во второй половине столетия. Во что превратились господствовавшие здесь промыслы, сохранились ли они или трансформировались в нечто новое? Ответить на этот вопрос и вообще рассмотреть степень развития промысловых занятий местного населения лучше всего на материалах конца XVII – начала XVIII в. Выбор этого хронологического рубежа обусловлен рядом причин:

– во-первых, петровское «определение» церковных владений и реформа оброчных статей в значительной степени изменили промыслово-предпринимательскую деятельность в регионе;

– во-вторых, именно в результате этих преобразований сложился уникальный по своей репрезентативности свод документов, который наиболее полно отражает состояние и уровень промыслового развития селений Южного Средневолжья – поездные описания результатов реформы «оброчных статей» 1704 г., материалы Ингерманландской (Семеновской, Ижорской) канцелярии [9; 10, с. 168–170].

Для Южного Средневолжья в таких описаниях (мельниц, перевозов, конских площадок, торговых мест и т. д.) наиболее полными являются сведения о состоянии рыбных промыслов. Дополняя их другими материалами – приходо-расходными книгами и выписками из них, данными межевых, писцовых и других книг, актовым материалом и т. д., можно получить вполне репрезентативную картину хозяйственного развития определенной территории. Использование всей совокупности архивных и опубликованных материалов является единственно возможным методом в силу особенностей складывания репрезентативной источниковой базы для изучения Среднего и Нижнего Поволжья. Методически данное явление удобнее всего проследить в рамках одного уезда – Симбирского, добавляя к нему для полноты картины материалы по Самарскому, закамским землям Казанского и другим уездам.

Всего симбирскими властями в ходе описания «оброчных статей» уезда было собрано сказки по 300 населенным пунктам (т. е. по абсолютному большинству существовавших к этому времени. По ряду селений Симбирского уезда, почему-то не попавших в его описания, пробелы можно восполнить по другим материалам этого же фонда) и 5 промысловым владениям [9]. О полноте описания территории уезда свидетельствует проведенная нами картографическая сверка списка селений. Статистические данные свидетельствуют о том, что промысловое рыболовство на рассматриваемых территориях не получило широкого развития. В большинстве представленных сказок (83 %) местное население заявило, что рыболовством не занимается. Только в 51 сказке (17 %) имеются указания на развитие «рыбных ловель». Среди лиц, подавших их, жители или владельцы 56 селений, а также приказчики 4 крупных промышленных.

Подробный разбор состояния развития рыболовства и других промыслов на территории Среднего и Нижнего Поволжья уже проводился нами в ранее опубликованных работах [11–13]. Поэтому ограничимся лишь выделением и краткой характеристикой отдельных групп сельских поселений рассматриваемого региона, исходя из места и роли в хозяйстве их жителей промысловой, прежде всего рыболовецкой, деятельности.

К первой группе относится ряд селений в крупных владениях церковных и светских феодалов. Хозяйственно-предпринимательская деятельность их собственников на территории края имела, как правило, весьма длительную историю. Начиная с конца XVI в. на Волге и Каме занимались рыболовством предприниматели, представлявшие самые различные категории населения страны, от владельческих крестьян до крупнейших корпоративных церковных и светских привилегированных собственников. От многочисленных сезонных промысловых предприятий к небольшому числу крупных владений с постоянным сельским населением – таково направление этого процесса и его итоги к началу XVIII столетия [11, с. 13–22]. Недолгий период конца 1680-х – начала XVIII в. стал «золотым веком» для складывания крупных владений «рыбными ловлями» и землей именно в прибрежной полосе Южного Средневолжья. Для большинства «старых», ранее эксплуатировавших только промысловые угодья промышленников, прежде всего крупных центральных монастырей (Чудов, Новоспасский, Новодевичий), это было время, когда, по образному выражению В.Н. Нечаева, автора ряда неопубликованных работ по истории хозяйствования Новодевичьего монастыря, «воды стали землями» [14. Л. 5–6]. Другие, только что пришедшие сюда предприниматели получили сразу и промысловые, и сельскохозяйственные угодья (Вознесенский женский, Воскресенский Новоиерусалимский монастыри). Третьи ограничились только землями (костромской Ипатьев монастырь, домовые монастыри казанского митрополичьего дома и др.). Характерно, что среди всех вышеперечисленных оказались в основном только крупные церковные корпорации и лишь немногие светские предприниматели (Ф.Ю. Ромодановский).

Вотчинники, сохранившие крупные рыболовецкие предприятия, использовали на промыслах труд, прежде всего, поселенных на прибрежных землях крестьян. К началу XVIII в. в этих владениях сложились различные модификации промысловых владельческих селений, отличающиеся друг от друга по соотношению земледельческих и промысловых отраслей, по роли собственника в организации последних, по особенностям предпринимательской деятельности сельского населения и т. д. Общим для всех них, несомненно, являлось то, что владельцы вотчинных предприятий помимо жесткого закрепления своих крепостных людей за отдельными операциями (можно назвать такой способ организации труда «принудительным оплачиваемым трудом зависимого населения») широко использовали различные формы подряда, привле-

кая для их выполнения зависимое население, имевшее собственные орудия труда. Н.Б. Голикова таких подрядчиков совершенно справедливо относила к категории мелких ремесленников [15, с. 101].

Из этой группы для Южного Средневолжья эталонными, в полной степени промысловыми можно назвать большинство русских селений Надеинского Усоля (владения, принадлежавшего сначала гостю Надее Светешникову и членам его семьи (1631(32)–1658 гг.), а затем звенигородскому Савво-Сторожевскому монастырю (1660–1710 гг.)) – слободы Верхнюю, Среднюю и Нижнюю Усольские, Переволокскую, с. Жигулевку и т. д. Хозяйственный облик этой вотчины определялся крупными рыболовецким и соледобывающим предприятиями, с которыми неразрывно был связан ряд других, более мелких – кузнечное, кирпичное, цренное и т. д. Инициаторами создания и организаторами всего этого производственного комплекса являлись его владельцы. Технологический уровень промыслов, их товарность, связь с рынком рассматривалась нами в ряде других работ, а здесь интересно посмотреть на степень участия и место в них местного владельческого населения. Судя по сохранившейся совокупности источников (писцовые, переписные, дозорные и приходо-расходные книги, актовый материал [16. Д. 11541, 11553, 11562; 17. Оп. 1. Д. 35; 18. Оп. 1. Д. 59. 1692–1694 гг.]), на промыслах было задействовано подавляющее большинство русского сельского населения (помимо русских во владении жили еще чуваша). Лишь незначительная часть русских жителей (17 крестьянских дворов из более 250, числившихся в вотчине) занималась исключительно земледелием и не участвовала в промысловых работах. Все остальные значились как работные люди и бобыли. В отношении большинства в писцовых книгах и других документах указывалась их профессия (солевары, трубные мастера, дровозовы, дровяные заделщики, кузнецы, кирпичники, рыболовы и т. д.). Место этих людей в монастырском хозяйстве, значимость трудовой деятельности в нем для материального благополучия их семей можно определить, исходя из следующих данных. Всех их можно разделить на 2 группы. Меньшая часть была занята в качестве оплачиваемых работников на владельческих соляном и рыбном промыслах, большинство нанимались как подрядчики, использовавшие собственные орудия труда, лошадей, лодки и т. д., бравшие на себя обязательство исполнить ту или иную работу и сами организовывавшие свой труд (подрядные рыбные ловцы, дровяные заделщики и т. д.). На рыбном и соляном промыслах среднегодовые затраты монастыря на оплату труда в середине 1680-х гг. составляли до 1350–1400 рублей (к ним следует еще добавить весьма существенный расход продуктов на питание во время производства работ). В рыболовстве: на ватажских работников – 65 руб., на подрядчиков – около 640. На соляном промысле: рабочим, занятым непосредственно в выварке соли, – 125 руб., подрядчикам на заготовке дров – 426 руб., выполнявшим ремонтные работы – около 100 руб. Отметим, что основная часть средств затрачивалась на оплату подрядных работ – около 1100 руб. Разделив только сумму денежных выплат из монастырской казны на все мужское население, учтенное во дворах работных людей, мастеровых и бобылей (включая сюда стариков и детей), получим в среднем по 2 руб. на каждую душу м. п. При этом учтем, что из этих людей значительная часть в работах на промысле не принимала участия. Вспомним, что Л.В. Милов, рассчитывая годовой прожиточный минимум одного работника (на питание), принимал его в размере 2–2,5 руб. [19, с. 488].

Не следует забывать, что подавляющее большинство работных людей, мастеровых и бобылей имели еще земельные наделы. В исследованиях для XVI–XVII вв. отсутствуют сколько-нибудь обобщенные сведения о средних наделах на один двор, которые позволяли бы для данных территорий полностью обеспечить все потребности крестьянского хозяйства в продуктах зернового производства. Наиболее объективные

данные по второй половине XVIII в. об обеспеченности пашней по материалам Генерального межевания приведены Н.Л. Рубинштейном [20, с. 209]. Для Надеинского Усолья размеры земельных наделов, которые приходились на дворы вышеуказанных жителей вотчины, составляли в среднем 3 четверти в 1 поле (или 0,8 четверти на 1 мужскую душу). Они были явно недостаточны, чтобы прокормиться, занимаясь только сельским хозяйством (по данным 1686–87 г. пашня монастырская (в 1 поле) – 417 четв., пашня крестьянская, бобыльская, работничья и чувашская – 988 четв. При этом на каждый из 30 чувашских дворов приходилось 8 четв., а на 1 душу м. п. – 3 четв. [21, с. 143–144; 16. Д. 11562]). Следует учесть, что владельческая запашка, составлявшая 30 % всей обрабатываемой земли в вотчине, даже при средней урожайности позволяла владельцам не только обеспечивать питанием рабочую силу, но и продавать часть хлеба [21, с. 143]. Таким образом, в основных русских сельских поселениях вотчины основой хозяйствования и благополучия их населения являлась именно промысловая деятельность. В этой своей деятельности большинство бобылей, работных людей и т. д. выступали как подрядчики – мелкие ремесленники, использовавшие собственные орудия, сами планировавшие организацию трудового процесса. Вместе с тем практически полностью отсутствуют сведения о промысловой деятельности сельского населения вне хозяйства самого промышленника – вотчинника. Хотя думается, такая деятельность, несомненно, имела место. Такая организация промысла и место в нем местного владельческого населения являлись типичными для большинства других крупных вотчинных предприятий региона.

В других промысловых владениях Южного Средневолжья формы участия населения во владельческих, прежде всего рыболовецких, предприятиях были столь же разнообразными. Например, на промыслах Дворца и Ф.Ю. Ромодановского сельское население было занято в рыболовстве в самых различных формах: и как наемная сила, и как подрядчики, ловившие своим или господским инвентарем «по залову», «из третьей рыбы», «исполу» и т. д. Наибольшее распространение получила подрядная форма [13, с. 55–61]. Подобную же организацию труда промышленников, но занимавшую сравнительно более скромное место в вотчинном хозяйстве, можно увидеть в промысловом владении Новодевичьего монастыря. На камских промыслах того же Савво-Сторожевского монастыря (конец 1650-х – 1660-е гг.) роль монастырских промышленников в организации производства сводилась лишь к распределению рыболовных угодий между крестьянами-подрядчиками и окончательному расчету с ними за выловленную рыбу. Однако как соотносились промысловые и земледельческие занятия в хозяйственной деятельности местного населения, выяснить невозможно из-за отсутствия источников.

Нет данных об организации рыболовецкого промысла у таких старинных предпринимателей края, как Чудов и Новоспасский монастыри. Думается, что в их владениях лишь меньшая часть переведенного туда сельского населения занималась исключительно или отчасти рыболовством. То же можно сказать и о вотчине и промыслах Новодевичьего монастыря, где в большинстве недавно основанных селений господствовало земледелие.

Сопоставить организацию владельческих промыслов и особенности участия в них труда зависимого населения вышеуказанных землевладельцев-промысловиков с тем типом, который господствовал на промыслах Южного Средневолжья ранее (до появления вотчинного землевладения), можно на примере деятельности в Саратовских водах московского Высокопетровского монастыря. Последний так и не смог получить к своим промысловым угодьям крупные земельные пожалования. Создав весьма значительное рыболовецкое предприятие, монастырь использовал в нем труд, прежде всего, подрядчиков, набираемых из местных городских жителей или мелких предпринимателей, пришедших сверху.

Следующая группа включает остальные селения волжского побережья. Вопрос о неземледельческих занятиях их населения (приборных служилых людей, частновладельческих крестьян) остается слабо исследованным. Жители этих прибрежных поселений практически не использовали волжские угодья, довольствуясь лишь рыболовством в мелких речках, затомах, озерах. Только крестьяне дворцовых слобод Арбугинской волости сохранили за собой оброчные угодья по Волге. Но в начале XVIII в. они ловили стерлядь и частик только «про свой обиход».

И, наконец, к третьей группе относятся селения, располагавшиеся на территориях Симбирского и соседних с ним уездов, удаленных от волжского побережья. «Сельское» промысловое рыболовство получило здесь слабое развитие. В середине – второй половине XVII в., когда происходил процесс массового заселения края, переселенцам раздавали во владение кроме пашни обычный набор лесных и сенных угодий, в который входили и участки водоемов. Как правило, размеры их были невелики. Документальные источники о формировании землевладения и населения на территории уезда середины – второй половины XVII в., например строельная книга Симбирска, содержат весьма скудные данные о собственности на рыболовецкие угодья [22, с. 14, 46, 52–53, 55, 59–62]. Специальная раздача рыболовецких участков не была принята; их распределяли лишь в тех случаях, когда они входили в состав всей совокупности сельскохозяйственных угодий. При этом составители строельной книги отделялись обычно трафаретными выражениями типа: «а лес и всякия угодья в их гранях у помещиков вообще», «ему ж дано в угодье лес и озера и всякия угодья в его гранях» [22, с. 55, 59]. Итоги этого процесса зафиксировали составители описания рыболовных угодий 1704 г. Рыболовством в своих промысловых угодьях, да и то, как правило, на себя, занимались немногие. Еще более редки эпизоды, когда отдельные водоемы или участки рек брались в оброчное пользование. Нам известны лишь 13 таких случаев (в некоторых из них происходило переоброчивание). К числу оброчников относятся едва ли не все категории населения – помещики, крестьяне, казаки, солдаты, иногородние промышленники. В большинстве случаев владельцем оброчных вод выступала казна. Достаточно часто симбиряне брали на оброк водные участки, лежащие за пределами их уезда, – в Алатырском и других уездах. В большинстве случаев (10) оброчные платежи были невелики – от 0,2 до 2–3 руб. Известен один случай, когда для аренды вод в р. Свияге и озерах объединились жители сразу семи ясачных татарских и чувашских деревень, которые платили в Симбирске довольно крупную сумму в 11 руб. Как правило, оброчники промышляли «про свой обиход». Крайне редко местные жители брали промысловые угодья на оброк не для собственного промысла, а для получения дополнительной прибыли путем переоброчивания. Например, 2 жителя Ерыклинска, казак и отставной пушкарь, откупили участок в 5 верст по р. Бирле у татар Казанского уезда за 2,5 рубля, разделили его на 7 участков и сдали местным служилым людям и татарам за общую сумму в 3,58 руб. Еще один случай многоступенчатого переоброчивания известен на р. Свияге. Это был довольно крупный промысел, о чем свидетельствует сумма последних откупных платежей, составившая 27,5 руб.

Крайне редко местные жители пытались продавать выловленную рыбу в сколько-нибудь значительных размерах. Население в своих сказках обычно сообщало, что оно промышляло «на свой обиход». Еще чаще о целях рыболовства умалчивалось, но по контексту очевидно, что промысел носил «домашний» характер. Только в 2 сказках имеются прямые известия о продаже рыбы. Но вырученные суммы весьма незначительны (менее 1 руб.), да и употреблялись они, как правило, на мирские нужды. Поэтому говорить о сколько-нибудь развитом товарном производстве не имеет смысла.

Набор рыболовных средств, указанных в сказках, был весьма разнообразен. Он не отличался сколько-нибудь значительно от применявшихся в целом по всей стране: сети, бредни, верши, нережи (мережи), саки, волокуши, вентери, уды, приволоки, крыги, жерлицы, котцы и т. д. Нередко «после полой воды» устраивались запоры и езы.

Районы рыбных промыслов по территории уезда были распределены крайне неравномерно. Практически не получило распространения рыболовство в селениях, располагавшихся по рекам Инзе и Сызгану (14 селений); по Кададе, Бекшанке, Темрязану (17 селений); по Аргашу (5 селений). Среди жителей 19 селений в окрестностях рек Тукшумы и Усы известен только 1 случай рыболовства: в с. Усинском (Уса) «выборного полку» солдаты ловили безоброчно в Усе и Тишереке на протяжении 3 верст рыбу. Промысел в весьма небольших размерах велся «про свой обиход» сетями из лодок. О скромных размерах рыболовства свидетельствуют данные об улове (30–50 карасей; 60–70 шук, окуней и сорог). Однако в столь слабом распространении промыслов, которое можно представить по содержанию сказок, следует усомниться. Об этом, например, свидетельствуют дополнительные материалы делопроизводства той же канцелярии о чувашах д. Байдеряковой. В 1704 г. население сообщило при осмотре, что не имеет рыбных промыслов. Позднее чуваша вместе с жителями д. Малячкиной подали сказку о том, что по р. Усе на протяжении 4 верст ловят мелкую рыбу вершами и жеками «про свой обиход». Оброчные платежи с этого промысла в Симбирске составляли 1,6 руб. в год. [9. Оп. 1. Д. 20. Л. 119]. Такой же разницей, только наоборот, произошел при осмотре промыслов с. Усинского.

Сура, только краем задевавшая западную оконечность Симбирского уезда, по сравнению с другими «провинциальными» реками была, видимо, действительно изобильна рыбой. Но все данные свидетельствуют о том, что в пределах Симбирского уезда р. Сура не имела серьезного промыслового значения, такого, например, как в своем нижнем течении.

Наиболее значимой для местного населения после Волги была р. Свияга. По богатству рыбой она уступала Суре, но так как протекала в густонаселенных районах уезда, рядом с Симбирском, поблизости от Волги, то смогла привлечь к себе внимание не только местных жителей, но и крупных иногородних предпринимателей. Но и на Свияге рыболовство практически не выходило за пределы домашнего «про свой обиход». Населенные пункты, находящиеся в бассейне р. Свияги, осматривали несколько дозорщиков. Отдельные участки акватории этой реки попали в дачи местным помещикам или были отведены сельским обществам. Но практически никто из них не ловил рыбу. Например, из 30 селений, располагавшихся по р. Свияге и Гуще, население 29 рыболовством не занималось. Только владельцы с. Елшанки Я.Ф. и Ф.Ф. Суровцовы промыслили на р. Гуще и ее притоках. Эту речку от устья до вершин получил в оброк за 1 руб. в год еще их отец Ф.Г. Суровцев. Здесь ловили мелкую рыбу «про свой обиход» — шук, окуней, плотву, линей и т. д. Из орудий лова упоминаются сети (по 3 в лето), «ветеря» (вентери) (по 10 в лето), жерлицы (по 30–40 в лето). При этом небольшом промысле помещики держали pogodно работника, который, видимо, организовывал весь промысел. Ему помогали помещичьи крестьяне (1–2 человека) [9. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 226–226 об.].

Из 33 сказок жителей еще одной группы селений (40 поселений), расположенных в бассейне р. Свияги в окрестностях самого Симбирска, только в 6 содержатся сведения о рыболовстве. Казаки 4 подгородных слобод ловили рыбу «про себя безоброчно». Крестьяне 7 ясачных татарских и чувашских деревень платили за добычу мелкой рыбы в р. Свияге и озерах 11 руб. в год. И, наконец, 20-верстный участок по р. Свияге брал за 6 руб. годовых состоявший в гостинной сотне И. Андреев. Он, в свою очередь, сдавал их на оброк мурзам д. Букемураз за 3 руб. в год и татарам

Свияжского уезда за 6,45 руб. в год. Промысел всех этих ловцов также в основном велся «про себя», а предметом добычи была мелкая частичковая рыба.

Наиболее богатые рыболовные угодья в Свияге принадлежали дворцовому ведомству, их откупал Н. Федоров. Весьма любопытную сказку представили конные казаки Свияжской слободы (4 чел.), солдаты с. Троицкого «Грязнуха тож» (3 чел.) и крестьяне арбугинской Подключищенской слободы (11 чел.). Они ловили сетями, сежами, вятелями, жерлицами, бреднями и другими орудиями лова частичковую рыбу «на себя и для продажи». На 1 ловца приходилось по 3 сети, по 10 вятелей («а у иного и по 15»), по 20 жерлиц. В среднем улов на 1 человека составлял в стоимостном выражении 4 рубля. Оброчные платежи в год достигали 27,5 руб., которые вышеуказанные промышленники платили московскому отставному стрельцу Н. Прокофьеву. Тот, в свою очередь, отдавал оброк за эти воды в Симбирске Н. Федорову (сумма не указана) [9. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 214–215].

Еще одной рекой, где получило распространение «домашнее» рыболовство, можно назвать Барыш. Из 27 осмотренных на этой реке селений жители 10, солдаты, крестьяне, служилые чуваши и помещики, заявили о том, что они или их крестьяне ловят мелкую рыбу «про свой обиход» безоброчно.

Примечательна картина, представленная в описании по 37 селениям, в хозяйственные угодья которых входили реки Бирюч, Якла, Чилим. Местные жители ловили мелкую рыбу только в 2 (возможно, в 3) селениях [9. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 164 и далее].

Таким можно представить развитие рыболовства в хозяйстве сельского населения освоенных к началу XVIII в. пространств Южного Средневожья. За исключением отдельных поселений, непосредственно располагавшихся по берегам Волги и Камы, на прочих территориях Симбирского и соседних с ним уездов рыболовецкие промыслы местного сельского населения были развиты крайне слабо, занимали второстепенное место в его повседневной хозяйственной деятельности.

Библиографический список

1. Дубман Э.Л. Промысловые селения Южного Средневожья в конце XVII – начале XVIII в. // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума: XXX сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тезисы докладов и сообщений. Тула, 19–23 сентября 2006 г. М., 2006.
2. Муравьева Л.Л. Деревенская промышленность центральной России второй половины XVII в. М., 1971.
3. Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978.
4. Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера в XVII в. Л., 1984.
5. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Л., 1978.
6. Дубман Э.Л. О некоторых аспектах изучения топонимии Самарского Поволжья // Ономастика Поволжья: тезисы докладов VIII Международной конференции. Волгоград, 8–11 сентября 1998 г. Волгоград, 1998.
7. Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX в.). Самара, 2007.
8. Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века: очерки из истории колонизации края. Одесса, 1882.
9. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 26. Государственные учреждения и повинности в царствование Петра I.
10. Дубман Э.Л. Всероссийская перепись «оброчных статей» начала XVIII в. как источник по феодальной истории Среднего Поволжья // Самарский исторический ежегодник. Самара, 1993.

11. Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. По материалам церковно-монастырских владений. Куйбышев, 1991.
12. Дубман Э.Л. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI – XVII в. Самара, 1999.
13. Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Очерки истории Юго-Востока Европейской России. Самара, 2004.
14. Архив Музея Новодевичьего монастыря. Д. 145.
15. Голикова Н.Б. Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII века. М., 1965.
16. РГАДА. Ф. 281. Грамоты Коллегии Экономии.
17. РГАДА. Ф. 125. Монастырские дела.
18. РГАДА. Ф. 159. Приказные дела новой разборки.
19. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
20. Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.: историко-экономический очерк. М., 1957.
21. Дубман Э.Л. К истории земледельческого производства в южных районах Среднего Поволжья во второй половине XVII – начале XVIII в. (по материалам церковных владений) // Из истории области. Очерки краеведов. Пенза, 1990. Вып. II.
22. Книга стрелецкая города Синбирска. Симбирск, 1897.

*E.L. Dubman**

FISHERY IN THE ECONOMICAL ACTIVITIES OF RURAL POPULATION OF SOUTHERN MIDDLE VOLGA ON THE BOUND OF XVII–XVIII CENTURIES

In the article the development of fishery in the economical activities of rural population of Southern Middle Volga on the bound of XVII–XVIII centuries. The author concludes that fishery was poorly developed on that area besides some settlements situated on Volga and Kama coastal zones. Fishery played a secondary role in the daily economical activities of the local population.

Key words: Southern Middle Volga, craft, fishery, economical activities, rural population.

* *Dubman Eduard Leibovich* (dubmane@mail.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.